

Рождественский гость

Сельма Лагерлеф

Одним из кавалеров, которые жили в Экебю, был малыш Рустер. Он умел играть на флейте и транспонировать ноты. Это был человек самого простого происхождения, бедняк, у которого не было ни родни, ни крыши над головой. Трудно пришлось ему, когда рассеялось кавалерское общество.

Не стало у него ни лошади, ни тележки, ни шубы, ни красного погребца с дорожной снедью. И побрел он пешком от усадьбы к усадьбе со своими пожитками, сложив их в узелок из белого носового платка с голубой каемкой. Опять Рустер приучился застегивать сюртук на все пуговицы до самого горла, чтобы не разглядывали посторонние люди, какая на нем надета рубашка да есть ли жилет. В просторные карманы он складывал все самое драгоценное из своего достояния: разобрannую на части флейту, плоскую дорожную фляжку и нотное перо.

Он знал ремесло нотного переписчика и в прежние времена без труда нашел бы себе работу, да на его беду свет переменялся. Год от году в Вермланде все меньше музицировали. И вот уже гитара на истлевшей ленте и валторна с выцветшей кисточкой на шнурке отправились вместе с ненужным хламом на чердак, где уже давно пылились продолговатые, окованные железом скрипичные футляры. И чем реже Рустеру приходилось брать в руки перо или флейту, тем чаще он вспоминал про фляжку, и в конце концов стал горьким пьяницей. Не повезло ему, бедняге.

Ради старой дружбы его еще принимали в окрестных усадьбах. Но встречали скрепя сердце, а провожали с радостью. От него несло затхлым запахом и винным перегаром, он быстро хмелел от одной рюмки и начинал нести всякую околесицу. Гостеприимные хозяева боялись его как чумы.

Однажды под Рождество он отправился в Лёвдаль, к знаменитому скрипачу Лильекруне. Когда-то Лильекруна тоже жил в компании кавалеров, но после смерти майорши вернулся на свой крепкий хутор Лёвдаль и остался там жить. И вот незадолго перед Рождеством, в самый разгар предпраздничной уборки, туда явился Рустер и спросил, не найдется ли для него какая-нибудь работенка. Лильекруна дал ему переписывать ноты, только чтобы его занять.

— Уж лучше бы ты его не привечал, — сказала ему жена. — Теперь он нарочно проковыряется подольше, и нам придется оставить его у себя на Рождество.

— Пускай уж остается, больше ему некуда деваться! — ответил Лильекруна.

Он угостил Рустера пуншем и водкой, они выпили, и Лильекруна словно заново пережил с ним былые кавалерские денечки. Однако у Лильекруны было тоскливо на душе. Он, как все, тяготился Рустером, хотя и старался не подавать вида, свято чтя законы дружбы и гостеприимства.

В доме у Лильекруны праздничные приготовления начались за три недели до Рождества. Хлопот было много, и все домашние трудились, не покладая рук. Ходили с красными глазами, оттого что и поздней ночью работали при свечах и при лучине, подолгу мерзли в пивоварне и холодном сарае, пока солили мясо и варили пиво. Однако и хозяйка, и домочадцы все терпели и не жаловались, зная, что после всех трудов наступит сочельник, и тогда все изменится, как по волшебству. На Рождество само собой откуда-то приходит веселье и радость, все будут шутить и смеяться, сыпать стихами и поговорками, ноги сами запросятся в пляс, и припомнятся забытые слова и мелодии, которые, оказывается, не забыты вовсе, а только до поры до времени дремали в глубине памяти. И все станут добрыми, такими добрыми друг к другу!

А когда появился Рустер, все домочадцы решили, что праздник испорчен. Так думали и хозяйка, и старшие дети, и верные слуги. При виде Рустера в них закралась гнетущая тревога.

Они боялись, что встреча с Рустером разворошит в душе Лильекруны старые воспоминания, вспыхнет огненная натура великого скрипача, и тогда прости-прощай дом и семья! В прежние времена ему не сиделось дома.

С тех пор как Лильекруна вернулся домой, прошло уже несколько лет, и за это время все домочадцы несказанно полюбили хозяина. Он много значил для своих домашних, особенно в рождественский праздник. Его обычное место было не на диване и не в качалке, а на узкой, отполированной до блеска скамеечке около печки. Сядет он, бывало, в своем уголке и пустится в сказочное путешествие. В этих странствиях он объездил всю землю, парил в звездной вышине, и выше звезд залетал. Он то играл на скрипке, то рассказывал, а все домашние собирались в кружок и слушали. Жизнь становилась невиданно прекрасной и возвышенной, когда ее освещало сияние его богатой души.

Поэтому его и любили, как любят Рождество, радость, весеннее солнышко. Приход Рустера всех взбаламутил и нарушил праздничное настроение. Они так старались, но все их труды пропадут понапрасну, если Рустер сманит за собой хозяина. Несправедливо это и обидно, что какой-то пьянчужка навязался на шею благочестивым людям, а теперь рассядется за рождественским столом и всем испортит праздник.

В сочельник утром Рустер кончил переписывать ноты и завел речь о том, что ему пора прощаться и в путь, хотя на самом деле он, конечно, рассчитывал остаться.

Лильекруне отчасти передалось общее раздражение, поэтому он довольно-таки вяло предложил Рустеру не спешить с уходом, чтобы встретить здесь Рождество.

Малыш Рустер был вспыльчив и горд. Он покрутил усы, тряхнул черными кудрями, которые, как туча, вздымались над его челом: «Что, мол, ты хочешь этим сказать? Уж не думаешь ли ты, Лильекруна, что, кроме твоего дома, мне некуда пойти? Вот еще! Да меня ждут не дождутся на железной фабрике в Бру! Для меня, мол, и комната приготовлена, и чарка с вином налита! Одним словом, мне надо спешить, только вот не знаю, кого навестить первого».

— Бог с тобой! — ответил Лильекруна. — Поезжай, коли ты так хочешь!

После обеда Рустер испросил взаймы лошадь и сани, шубу и меховую полость. С ним послали работника, чтобы тот отвез Рустера в Бру, и наказали ему поскорей возвращаться: похоже было, что разыграется метель.

Никто не поверил, что Рустера где-то ждут или что найдется такое место в округе, где бы ему были рады. Однако всем так хотелось поскорей от него отделаться, что никто не признался перед собой в этих мыслях. Гостя торопливо спровадили, ожидая, что без него в доме сразу же станет хорошо и весело.

В пять часов все собрались в зале, чтобы пить чай и плясать вокруг елки, но Лильекруна был молчалив и печален. Он не садился на волшебную скамейку, не притронулся ни к чаю, ни к пуншу, не сыграл им польку, отговорившись тем, что будто бы неисправна скрипка, а кому охота плясать и веселиться, те пускай, мол, обходятся сами.

Тут уж и хозяйка встревожилась, и дети расстроились, и все в доме пошло вразброд. Грустное получилось Рождество.

Молочная каша свернулась, свеча зацадила, из печи повалил дым, за окном поднялся ветер, разыгралась вьюга, и со двора потянуло ледяным холодом. Работник, которого послали отвезти Рустера, не возвращался, домоуправительница плакала, а служанки перессорились.

А тут еще Лильекруна вспомнил, что забыли выставить рождественский сноп для воробьев, и начал ворчать на женщин, что вот, дескать, старые обычаи позабыты, все бы вам только

модничать, а сердечной доброты ни в ком не осталось. Однако они хорошо понимали, что на самом деле его мучают угрызения совести из-за того, что отпустил малыша Рустера и не уговорил его остаться на Рождество.

Вдруг хозяин встал, вышел вон и, запершись в своей комнате, начал играть на скрипке; такой игры от него давно не слышали с тех пор, как он бросил бродяжничать. В музыке звучала злость и насмешка, страстный порыв и мятежная тоска: «Вы думали посадить меня на цепь, а мне не страшны ваши оковы! Вы думали принизить меня до вашей мелочности. А я вырвался от вас на волю, на простор. Эй вы, скучные, серые людишки, рабские душонки! Попробуйте меня поймать, если сможете угнаться!»

Послушав скрипку, жена сказала:

— Завтра он убежит, и ничто его не остановит, кроме Божьего чуда. Вот из-за нашего плохого гостеприимства мы сами накликали беду, которой боялись.

А малыш Рустер тем временем все ехал куда-то сквозь метель. Он ездил от усадьбы к усадьбе и везде спрашивал, нету ли для него работы, но нигде его не принимали. Ему даже не предлагали выйти из саней. У одних был полон дом гостей, другие сами собирались завтра ехать в гости.

— Поезжай к соседу! — отвечали ему повсюду.

Его даже звали пожить несколько дней и поработать, но только потом, после Рождества. Сочельник бывает раз в году, и дети с самой осени ждали праздника. Разве можно посадить за праздничный стол рядом с детьми такого человека! Раньше его охотно приглашали, но теперь другое дело: кому нужен такой пьянчужка, да и что с ним делать? Отправить в людскую — неуважительно, а с господами посадить — много чести.

Вот так и пришлось Рустеру разъезжать среди злой метели от усадьбы к усадьбе. Мокрые усы печально обвисли у него по губам, воспаленные глаза покраснели, взгляд помутнел, зато из головы выветрились винные пары. И тут он с удивлением подумал: «Неужели и впрямь никто не хочет меня у себя принимать?»

И вдруг, точно впервые увидев, какой он сам жалкий и опустившийся, он понял, как он противен окружающим. «Со мною все кончено, — подумал он. — Кончено с переписыванием нот, кончено с флейтой. Никому на свете я не нужен, никто меня не пожалеет».

Мела и завивалась вьюга, взметая сугробы и переноса их на новое место; вздымались столбом снежные вихри и неслись по полям, тучи снега взлетали на воздух и вновь осыпались на землю.

«Всё, как в нашей жизни. Всё, как в нашей жизни, — сказал себе Рустер. — Весело плясать, пока тебя несет и кружит, а вот падать, ложиться в сугроб и быть погребенным — обидно и грустно». Но в конце концов всем это суждено, а нынче настал его черед. Не верится, что вот и пришел конец!

Он уже не спрашивал, куда его везет работник. Ему чудилось, что он едет в страну смерти.

Малыш Рустер не сжег во время поездки старых богов. Он не проклинал свою флейту или кавалеров, он не подумал, что лучше было пахать землю или тачать сапоги. Он только горевал, что превратился в отслуживший инструмент, который не годится больше для радостной музыки. Он никого не винил, зная, что лопнувшую валторну или гитару, которая перестала держать лад, остается только выбросить. Он вдруг ощутил небывалое смирение. Он понял, что в этот сочельник пришел его последний час. Ему суждено погибнуть от голода или замерзнуть, потому что он ничего не умеет, ни на что не пригоден и у него нет друзей.

Но тут сани остановились, и сразу вокруг сделалось светло. Он услышал дружелюбные голоса, кто-то взял его под руку и увел с мороза в дом, кто-то напоил горячим чаем. С него сняли шубу, со всех сторон он слышал добрые слова приветов, и чьи-то теплые руки растирали его заочевенные пальцы.

Это было так неожиданно, что в голове у него все смешалось, и прошло четверть часа, прежде чем он очухался. Он не сразу сообразил, что снова оказался в Лёвдале. Он даже не заметил, когда работник, которому надоело таскаться по дорогам в метель и стужу, повернул назад и поехал домой.

Рустер не мог понять, отчего ему вдруг оказали такой ласковый прием у Лильекрыны. Откуда ему было знать, что жена Лильекрыны очень хорошо представляла себе, какой тяжкий путь выпало ему проделать в сочельник, выслушивая отказ всюду, куда бы ни постучался. И ей стало так его жалко, что она забыла все прежние опасения.

Между тем Лильекрына все безумствовал на скрипке, запершись в своей комнате. Он не знал, что Рустер уже вернулся. А Рустер сидел в зале, где были его жена и дети. Слуги, которые обычно встречали Рождество вместе с господами, на этот раз, увидав, что хозяевам не до праздника, убрались подальше от греха и сидели на кухне.

Хозяйка, не долго думая, задала Рустеру работу.

— Слышишь, Рустер, как наш хозяин весь вечер играет на скрипке? Мне надо на стол накрыть и приготовить угощение. А дети одни брошены. Придется уж тебе поглядеть за двумя младшенькими.

Из всех людей Рустеру меньше всего приходилось иметь дело с детьми. Дети как-то не попадались на его пути ни в кавалерском флигеле, ни в солдатской палатке, ни в трактирах или на большой дороге. Он даже смутился перед ними и не знал, что и сказать, чтобы не оскорбить их слуха.

Рустер достал флейту и стал им показывать, как надо обращаться с дырочками и клапанами. Одному малышу было четыре года, другому шесть. Урок так их заинтересовал, что они совсем погрузились в новое занятие.

— Вот А, — говорил Рустер, — а это С, — и брал нужную ноту.

Но тут детям захотелось посмотреть, как выглядит А и С, которые надо играть на флейте. Тогда Рустер достал листок нотной бумаги и нарисовал обе ноты.

— А вот и нет! — сказали дети. — Это неправильно.

Они побежали за азбукой, чтобы показать, как надо писать буквы.

Тогда Рустер стал спрашивать у них алфавит. Дети отвечали, что знали, иной раз и невпопад. Рустер увлекся, усадил мальчуганов к себе на колени и начал их учить. Жена Лильекрыны, хлопоча по хозяйству, мимоходом прислушалась и очень удивилась. Это было похоже на игру, дети хохотали, но ученье шло им впрок.

Так Рустер развлекал детей, но голова его была занята другим, в ней бродили мысли, которые привязались во время метели. Он думал, что все это мило и прекрасно, но только уж не для него. Его, как старую рвань, пора выбросить на свалку. И вдруг он закрыл лицо руками и заплакал.

Жена Лильекрыны взволнованно подошла к Рустеру.

— Послушай, Рустер! — заговорила она. — Я понимаю, что тебе кажется, будто все для тебя кончено. Музыка перестала быть тебе подспорьем, и ты губишь себя водкой. Так вот, на самом деле для тебя еще не все пропало, Рустер!

— Какое там! — вздохнул Рустер.

— Ты же сам видишь, что возиться с детишками, как сейчас — занятие как раз по тебе. Если ты начнешь учить детей чтению и письму, ты снова станешь для всех желанным гостем. Вот тебе инструменты, на которых играть ничуть не легче, чем на флейте или на скрипке. Взгляни-ка на них, Рустер!

И с этими словами она поставила перед ним двух своих детей. Он поднял взгляд и, сощурился, как от яркого солнца, посмотрел на них мутными глазами. Казалось, будто он с трудом может выдержать ясный и открытый взгляд невинных детских глаз.

— Посмотри на них, Рустер! — строго повторила жена Лильекруны.

— Я не смею, — ответил Рустер, пораженный ослепительным сиянием непорочной души, которое светилось в прекрасных детских глазах.

И тут жена Лильекруны рассмеялась звонко и радостно.

— Придется тебе к ним привыкать, Рустер! Ты можешь на весь этот год остаться у меня в доме учителем.

Лильекруна услышал смех своей жены и вышел в залу.

— Что тут такое? — спросил он. — Что тут такое?

— Ничего особенного, — ответила жена. — Просто вернулся Рустер, и я договорилась с ним, что он останется у нас учителем при малышах.

Лильекруна воззрился на нее в изумлении:

— Ты решилась? — повторил он. — Ты осмелилась? Неужели он обещал бросить...

— Нет! — сказала жена. — Рустер ничего мне не обещал. Но ему придется очень следить за собой и держать ухо востро, потому что здесь ему каждый день нужно будет смотреть в глаза маленьким детям. Кабы не Рождество, я бы никогда не решилась на такое, но уж коли Господь наш решил оставить среди нас, грешных, не просто малого ребенка, а своего сына, то уж, верно, и я могу позволить, чтобы мои дети попытались спасти одного человека.

Лильекруна не мог вымолвить ни слова, но его лицо подергивалось и вздрагивало каждой морщинкой, как всегда, когда он бывал поражен чем-нибудь величественным.

Затем он благоговейно, с видом ребенка, который пришел просить прощения, поцеловал руку своей жены и громко воскликнул:

— Подите сюда, дети, и все поцелуйте ручку своей матушке!

Что и было сделано, а после в доме Лильекруны весело отпраздновали Рождество.

Коляда, коляда, Накануне Рождества! Тетенька добренька, Пирожка-то сдобненька Не режь, не ломай, Поскорее подавай, Двоим, троим, Давно стоим, Да не выстоим! Печка-то топится, Пирожка-то хочется!

Христос Спаситель В полночь родился. В месте небогатом Он поселился. Вот над тем местом Звезда сияет. Христос-Владыко, В Твой день рожденья. Подай всем людям Мир и прощенье!

Маленький хлопчик Сел на снопчик. В дудочку играет, Колядку потешает. Щедрик-Петрик, Дай вареник, Ложечку каши, Кольцо колбаски. Этого мало, Дай кусок сала. Выноси скорей, Не морозь детей.

Дайте нам скорей монетки, Детям дайте по конфетке. Мы с собой несём добро, С вами будет пусть оно.

Ангел с неба к вам спустился И сказал: »Христос родился!» Мы Христа пришли прославить, А вас с праздником поздравить.

Козлова Ольга Валерьевна

Рассказ деда.

- Деда, а Новый год уже пришёл? - спросил Фимка у своего дедушки Василия Степановича.

- Нет. Впереди ещё один зимний праздник - Старый Новый год!- ответил дедушка и взглянул на внука, у которого голубые глаза становились большими от удивления, как две спелые сливы.

- Как это старый, да ещё и новый год? - спросил мальчик и подсел поближе к печке, где подшивал прохудившиеся валенки Василий Степанович.

- «Старым» год называют в народе потому, что его праздновали раньше не как мы, а по старому стилю, по старому календарю, «новым» же он получил своё название потому, что здесь заканчивается прошлый и начинается будущий год - вкрадчивым голосом рассказывал дедушка.

- Здесь, Фима, встречаются друг с другом юлианский и григорианский календари.

- Пора садиться за стол, а то Васильева каша остывает! крикнула бабушка, видя, как дед и внук покраснели от горячего разговора у жаркой печи.

- Пошли, Фимка, бабушкиной праздничной кашей, да жареным поросёночком

угощаться-сказал дедушка и похлопал по плечу своего внука.

Василий Степанович положил на печку Фимкины валенки, которые он закончил подшивать и повёл за стол любопытного мальчика.

Праздничный стол, который бабушка накрыла на ужин, был очень богатым на угощения. В центре стола стоял горшок с ароматной гречневой кашей, которую только что вынули из русской печи. В крынке налито козье молоко, которое Фима мог пить только от козы Нюрки потому, что оно не пахло сеном. Бабушкины пироги были аккуратно выложены на расписной разнос и вызывали аппетит от запаха печёных яблок с корицей. Главным обрядовым блюдом был запеченный целиком поросёнок, который красовался на фарфоровом блюде.

- Сегодня, Фима, старинный русский праздник Васильев вечер, который встречают накануне Старого Нового года! - с радостью сказала бабушка и положила последнее печенье в корзинку, которая стояла у входной двери.

- Да, ваша бабушка каждый год готовит вкусное угощение, чтобы Новый год принёс в наш дом счастье, радость и хороший урожай.

- Откуда Новый год может взять это счастье?- подумал мальчик.

Фимкины бабушка и дедушка жили в деревне и очень часто рассказывали ему интересные истории из своего детства. А внук очень любил приезжать на каникулы к ним в гости и слушать их деревенские рассказы.

Как только семья села за праздничный ужин, тут же за окном послышался хруст снега и чьи-то частые шаги. В замёрзшее от мороза окошко кто-то постучал и звонким голосом крикнул:

- Хозяева, открывайте ворота, к вам стучится детвора!

Бабушка поспешила накинуть на голову пуховую шаль, а Фимке старую вязаную шапку с помпоном. Она сняла с крючка овчинную шубу и укутала внука, как колобка из русской сказки. Дедушка достал с печки валенки и помог одеть их на босые детские ноги. Все втроём они вышли за ворота дома, захватив с собой корзинку с сахарным печеньем.

- Мы ходили, мы искали коляду. Мы пришли ко Васильеву двору. Не гоните, одарите детвору. Пышками, лепёшками, да свиными ножками - запели хором деревенские ребятишки.

Хор деревенских ребятишек был одет в шубы, которые вывернули наизнанку, на головах у них были маски козы и медведя. Впереди всех стоял самый крепкий мальчик и нёс на высокой палке Рождественскую звезду.

Мехоноша, так звали мальчишку, который держал большой мешок, подошёл к бабушке и сказал:

- Угости, хозяйюшка, хлебушком. Будут в твоём доме детушки.

Бабушка высыпала в мешок из корзины сахарное печенье, а Василий Степанович достал из кармана своего тулупа конфеты и угостил всех ребят.

- Ай, спасибо, хозяева, за вкусные пирожки, за гостинёчки, за прянички. Да спасибо тому, кто живёт в этом доме. С Новым годом, со всем родом! Чтоб

здоровы были, до ста лет жили - запели ребята и побежали дальше по улице колядовать.

Бабушка, дедушка и Фима вернулись в тёплую избу, разруганные от мороза и счастливые от весёлых песен колядовщиков, они сели за праздничный стол. Васильев вечерок или Старый Новый год оказался вовсе не забытым праздником. Теперь Фима будет ждать его каждую зиму, рассказывать всем своим друзьям, как его дед Василий Степанович и его бабушка Лукерья Антиповна берегут своё семейное счастье в доме, и по традиции каждый год пекут сахарное печенье в форме барашков, козочек и поросят для весёлых колядовщиков.

Рождественский стих - В этот светлый праздник

(А. Хомяков)

В этот светлый праздник –
Праздник Рождества
Мы друг другу скажем
Теплые слова.
Тихо снег ложится:
За окном зима,
Чудо здесь свершится
И зажжет сердца.
Пусть улыбки ваши
В этот дивный день
Будут счастьем нашим
И подарком всем.
Льются звуки жизни,
Счастья и добра,
Озаряя мысли
Светом Рождества.

Коваль Юрий Иосифович

Снежный всадник

Говорят, когда выпадает первый снег, — объявляется в лесах Снежный Всадник.

На белой лошади скачет он по заснеженным оврагам, по сосновым борам, по берёзовым рощам.

То там, за ёлками, то там, на просеке, мелькнёт Снежный Всадник, объявится перед людьми и мчится бесшумно дальше — по заснеженным оврагам, по сосновым борам, по берёзовым рощам. Никто не знает, зачем он появляется в лесу и куда путь держит.

— А с людьми-то он как, — спросил я Орехьевну, — разговаривает?

— Чего ему с нами разговаривать? О чём спрашивать? Он ведь только глянет на тебя и сразу всё поймёт. Он, как по книге, читает, что там у тебя в душе написано.

Давно уже прошёл сороковой день после первого снега. Наступила крепкая морозная зима.

Но вот как-то в заснеженном овраге увидел я, как промчался вдали Снежный Всадник.

— Поймай! — крикнул я вдогонку.

Приостановился Всадник, мельком глянул на меня и тут же прищепил коня, поскакал дальше. Сразу прочёл, что у меня на душе. А на душе у меня ничего особенного не было, кроме тетеревов да зайцев. И валенок с галошами.

В другой раз в середине зимы встретил я Всадника. Свистнул — и приостановился Снежный Всадник, обернулся и сразу прочёл, что у меня на душе. А на душе у меня опять ничего особенного не было. Кроме, конечно, горячего чая с мёдом.

Всё суровей, глубже становилась зима. Снега всё падали и падали на землю. Замело, занесло снегами леса и деревни.

В самую глухую зимнюю пору встретился мне Всадник в третий раз.

Неторопливо, шагом ехал он по просеке, по берёзовой роще мне навстречу. Увидел меня, остановился.

Хотел я его спросить, долго ли до весны, да постеснялся.

Внимательно и терпеливо смотрел на меня Снежный Всадник, читал мою душу от конца до начала.

А что же там, у меня на душе-то?

Автор: Ганс Христиан Андерсен

Ель

В лесу стояла чудесная елочка. Место у нее было хорошее, воздуха и света вдоволь; кругом же росли подруги постарше — и ели, и сосны. Елочке ужасно хотелось поскорее вырасти; она не думала ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе, не было ей дела и до болтливых крестьянских ребятишек, что собирали по лесу землянику и малину; набрав полные корзиночки или нанизав ягоды, словно бусы, на тонкие прутики, они присаживались под елочку отдохнуть и всегда говорили:

— Вот славная елочка! Хорошенькая, маленькая!

Таких речей деревце и слушать не хотело.

Прошел год, и у елочки прибавилось одно коленце, прошел еще год, прибавилось еще одно — так, по числу коленцев, и можно узнать, сколько дереву лет.

— Ах, если бы я была такой же большой, как другие деревья! — вздыхала елочка.

— Тогда бы и я широко раскинула свои ветви, высоко подняла голову, и мне бы

видно было далеко-далеко вокруг! Птицы свили бы в моих ветвях гнезда, и я при ветре так же важно кивала бы головой, как другие!

И ни солнышко, ни пение птичек, ни розовые утренние и вечерние облака не доставляли ей ни малейшего удовольствия.

Стояла зима; земля была устлана сверкающим снежным ковром; по снегу нет-нет да пробегал заяц и иногда даже перепрыгивал через елочку — вот обида! Но прошло еще две зимы, и к третьей деревце подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его кругом.

«Да, расти, расти и поскорее сделаться большим, старым деревом — что может быть лучше этого!» — думалось елочке.

Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые большие деревья. Елочка каждый раз дрожала от страха при виде падавших на землю с шумом и треском огромных деревьев. Их очищали от ветвей, и они валялись на земле такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать их! Потом их укладывали на дровни и увозили из леса.

Куда? Зачем?

Весною, когда прилетели ласточки и аисты, деревце спросило у них:

— Не знаете ли, куда повезли те деревья? Не встречали ли вы их?

Ласточки ничего не знали, но один из аистов подумал, кивнул головой и сказал:

— Да, пожалуй! Я встречал на море, по пути из Египта, много новых кораблей с великолепными высокими мачтами. От них пахло елью и сосной. Вот где они!

— Ах, поскорей бы и мне вырасти да пуститься в море! А каково это море, на что оно похоже?

— Ну, это долго рассказывать! — ответил аист и улетел.

— Радуйся своей юности! — говорили елочке солнечные лучи. — Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненным силам!

И ветер целовал дерево, роса проливала над ним слезы, но ель ничего этого не ценила.

Незадолго до Рождества срубили несколько совсем молоденьких елок; некоторые из них были даже меньше нашей елочки, которой так хотелось поскорее вырасти. Все срубленные деревца были прехорошенькие; их не очищали от ветвей, а прямо уложили на дровни и увезли из леса.

— Куда? — спросила ель. — Они не больше меня, одна даже меньше. И почему на них оставили все ветви? Куда их повезли?

— Мы знаем! Мы знаем! — прочирикали воробьи. — Мы были в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда их повезли! Они попадут в такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали в окна и видели! Их ставят посреди теплой комнаты и украшают чудеснейшими вещами: золочеными яблоками, медовыми пряниками и тысячами свечей!

— А потом?.. — спросила ель, дрожа всеми ветвями. — А потом?.. Что было с ними потом?

— А больше мы ничего не видали! Но это было бесподобно!

— Может быть, и я пойду такую же блестящею дорогой! — радовалась ель. — Это получше, чем плавать по морю! Ах, я просто изнываю от тоски и нетерпения! Хоть бы поскорее пришло Рождество! Теперь и я стала такую же высокою и раскидистою, как те, что были срублены в прошлом году! Ах, если б я уже лежала на дровнях! Ах, если б я уже стояла, разубранная всеми этими прелестями, в теплой комнате! А потом что?.. Потом, верно, будет еще лучше, иначе зачем бы и наряжать меня!.. Только что именно? Ах, как я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!

— Радуйся нам! — сказали ей воздух и солнечный свет. — Радуйся своей юности и лесному приволью!

Но она и не думала радоваться, а все росла да росла. И зиму, и лето стояла она в своем зеленом уборе, и все, кто видел ее, говорили: «Вот чудесное деревце!» Подошло, наконец, и Рождество, и елочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже и подумать о будущем счастье; грустно было расставаться с родным лесом, с тем уголком, где она выросла: она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых друзей — елей и сосен, кустов, цветов, а может быть, даже и птичек! Как тяжело, как грустно!..

Деревце пришло в себя только тогда, когда очутилось вместе с другими деревьями на дворе и услышало возле себя чей-то голос:

— Чудесная елка! Такую-то нам и нужно!

Явились двое разодетых слуг, взяли елку и внесли ее в огромную великолепную залу. По стенам висели портреты, а на большой кафельной печке стояли китайские вазы со львами на крышках; повсюду были расставлены кресла-качалки, шелковые диваны и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на несколько сот далеров — так, по крайней мере, говорили дети.

Елку посадили в большую кадку с песком, обернули кадку зеленою материей и поставили на пестрый ковер. Как трепетала елочка! Что-то теперь будет? Явились слуги и молодые девушки и стали наряжать ее. Вот на ветвях повисли полные сластей маленькие сетки, вырезанные из цветной бумаги, золоченые яблоки и орехи и закачались куклы — ни дать ни взять живые человечки; таких елка еще и не видывала. Наконец к ветвям прикрепили сотни разноцветных маленьких свечек, а к самой верхушке елки — большую звезду из сусального золота. Ну просто глаза разбегались, глядя на все это великолепие!

— Как заблестит, засияет елка вечером, когда зажгутся свечки! — сказали все.

«Ах! — подумала елка, — хоть бы поскорее настал вечер и зажгли свечки! А что же будет потом? Не явятся ли сюда из лесу, чтобы полюбоваться на меня, другие деревья? Не прилетят ли к окошкам воробьи? Или, может быть, я вращу в эту кадку и буду стоять тут такою нарядной и зиму и лето?»

Да, много она знала!.. От напряженного ожидания у нее даже заболела кора, а это для дерева так же неприятно, как для нас головная боль.

Но вот зажгли свечи. Что за блеск, что за роскошь! Елка задрожала всеми ветвями, одна из свечек подпалила зеленые иглы, и елочка пребольно обожглась.

— Ай-ай! — закричали барышни и поспешно затушили огонь. Больше елка дрожать не смела. И напугалась же она! Особенно потому, что боялась лишиться хоть малейшего из своих украшений. Но весь этот блеск просто ошеломлял ее... Вдруг обе половинки дверей распахнулись, и ворвалась целая толпа детей; можно было подумать, что они намеревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшие. Малыши остановились как вкопанные, но лишь на минуту, а там поднялся такой шум и гам, что просто в ушах звенело. Дети плясали вокруг елки, и мало-помалу все подарки с нее были посорваны.

«Что же это они делают! — думала елка. — Что это значит?» Свечки догорели, их потушили, а детям позволили обобрать дерево. Как они набросились на него! Только ветви трескали! Не будь елка крепко привязана верхушкою с золотой звездой к потолку, они бы повалили ее.

Потом дети опять принялись плясать, не выпуская из рук своих чудесных игрушек. Никто больше не глядел на елку, кроме старой няни, да и та высматривала только, не осталось ли где в ветвях яблочка или финика.

— Сказку! Сказку! — закричали дети и подтащили к елке маленького толстенького господина.

Он уселся под деревом и сказал:

— Вот мы и в лесу! Да и елка, кстати, послушает! Но я расскажу только одну сказку! Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, все-таки вошел в честь и добыл себе принцессу?

— Про Иведе-Аведе! — закричали одни.

— Про Клумпе-Думпе! — кричали другие.

Поднялся крик и шум; одна елка стояла смирно и думала: «А мне разве нечего больше делать?»

Она уж сделала свое дело!

И толстенький господин рассказал про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, все-таки вошел в честь и добыл себе принцессу.

Дети захлопали в ладоши и закричали: «Еще, еще!» Они хотели послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одном Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла елка: лесные птицы никогда не рассказывали ничего подобного. «Клумпе-Думпе свалился с лестницы, и все же ему досталась принцесса! Да, вот что бывает на белом свете!» — думала елка: она вполне верила всему, что сейчас слышала, — рассказывал ведь такой почтенный господин. «Да, да, кто знает! Может быть, и мне придется свалиться с лестницы, а потом и мне достанется принцесса!» И она с радостью думала о завтрашнем дне: ее опять украсят свечками, игрушками, золотом и фруктами! «Завтра уж я не задрожу! — думала она. — Я хочу как следует насладиться своим великолепием! И завтра я

опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может случится, и про Иведе-Аведе». И деревце смиренно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнем дне.

Потру явились слуга и горничная. «Сейчас опять начнут меня украшать!» — подумала елка, но они вытащили ее из комнаты, поволокли по лестнице и сунули в самый темный угол чердака, куда даже не проникал дневной свет.

«Что же это значит? — думалось елке. — Что мне здесь делать? Что я тут увижу и услышу?» И она прислонилась к стене и все думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи — никто не заглядывал к ней. Раз только пришли люди поставить на чердак какие-то ящики. Дерево стояло совсем в стороне, и о нем, казалось, забыли.

«На дворе зима! — думала елка. — Земля затвердела и покрыта снегом: нельзя, значит, снова посадить меня в землю, вот и приходится постоять под крышей до весны! Как это умно придумано! Какие люди добрые! Не будь только здесь так темно и так ужасно пусто!.. Нет даже ни единого зайчика!.. А в лесу-то как было весело! Кругом снег, а по снегу скачут зайчики! Хорошо было... Даже когда они прыгали через меня, хоть меня это и сердило! А тут как пусто!»

— Пи-пи! — пискнул вдруг мышонок и выскочил из норки, за ним еще несколько. Они принялись обнюхивать дерево и шмыгать меж его ветвями.

— Ужасно холодно здесь! — сказали мышата. — А то совсем бы хорошо было! Правда, старая елка?

— Я вовсе не старая! — отвечала ель. — Есть много деревьев постарше меня!

— Откуда ты и что ты знаешь? — спросили мышата; они были ужасно любопытны. — Расскажи нам, где самое лучшее место на земле? Ты была там? Была ты когда-нибудь в кладовой, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока и где можно плясать по сальным свечкам? Туда войдешь тощим, а выйдешь оттуда толстым!

— Нет, такого места я не знаю! — сказало дерево. — Но я знаю лес, где светит солнышко и поют птички!

И она рассказала им о своей юности; мышата никогда не слышали ничего подобного, выслушали рассказ елки и потом сказали:

— Как же ты много видела. Как ты была счастлива!

— Счастлива? — сказала ель и задумалась о том времени, о котором только что рассказывала. — Да, пожалуй, тогда мне жилось недурно!

Затем она рассказала им про тот вечер, когда была разубрана пряниками и свечками.

— О! — сказали мышата. — Как же ты была счастлива, старая елка!

— Я совсем еще не стара! — возразила ель. — Я взята из леса только нынешнею зимой! Я в самой поре! Только что вошла в рост!

— Как ты чудесно рассказываешь! — сказали мышата и на следующую ночь привели с собой еще четырех, которым тоже надо было послушать рассказы елки.

А сама ель чем больше рассказывала, тем яснее припоминала свое прошлое, и ей казалось, что она пережила много хороших дней.

— Но они же вернутся! Вернутся! И Клумпе-Думпе упал с лестницы, а все-таки ему досталась принцесса! Может быть, и мне тоже достанется принцесса!

При этом дерево вспомнило хорошенькую березку, что росла в лесной чаще неподалеку от него, — она казалась ему настоящей принцессой.

— Кто это Клумпе-Думпе? — спросили мышата, и ель рассказала им всю сказку; она запомнила ее слово в слово. Мышата от удовольствия чуть не прыгали до самой верхушки дерева. На следующую ночь явилось еще несколько мышей, а в воскресенье пришли даже две крысы. Этим сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышат, но теперь и они перестали уже так восхищаться сказкою, как прежде.

— Вы только одну эту историю и знаете? — спросили крысы.

— Только! — отвечала ель. — Я слышала ее в счастливейший вечер в моей жизни; тогда-то я, впрочем, еще не сознавала этого!

— В высшей степени жалкая история! Не знаете ли вы чего-нибудь про жир или сальные свечки? Про кладовую?

— Нет! — ответило дерево.

— Так счастливо оставаться! — сказали крысы и ушли. Мышата тоже разбежались, и ель вздохнула:

— А ведь славно было, когда эти резвые мышата сидели вокруг меня и слушали мои рассказы! Теперь и этому конец... Но уж теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда наконец снова выйду на белый свет!

Не так-то скоро это случилось!

Однажды утром явились люди прибрать чердак. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала ее довольно грубо бросили на пол, потом слуга поволок ее по лестнице вниз.

«Ну, теперь для меня начнется новая жизнь!» — подумала елка.

Вот на нее повеяло свежим воздухом, блеснул луч солнца — ель очутилась на дворе. Все это произошло так быстро, вокруг было столько нового и интересного для нее, что она не успела и поглядеть на самое себя. Двор примыкал к саду; в саду все зеленело и цвело. Через изгородь перевешивались свежие благоухающие розы, липы были покрыты цветом, ласточки летали взад и вперед и щебетали:

— Квир-вир-вит! Мой муж вернулся! Но это не относилось к ели.

— Теперь и я заживу! — радовалась ель и расправила свои ветви. Ах, как они поблекли и пожелтели!

Дерево лежало в углу двора, на крапиве и сорной траве; на верхушке его все еще сияла золотая звезда.

На дворе весело играли те самые ребята, что прыгали и плясали вокруг разубранной елки в сочельник. Самый младший увидел дерево и сорвал с него звезду.

— Поглядите-ка, что осталось на этой гадкой, старой елке! — сказал он и наступил ногами на ее ветви — ветви захрустели.

Ель посмотрела на молодую, цветущую жизнь вокруг, потом поглядела на самое себя и пожелала вернуться в свой темный угол на чердак.

Вспомнились ей и молодость, и лес, и веселый сочельник, и мышата, радостно слушавшие сказку про Клумпе-Думпе...

— Все прошло, прошло! — сказала бедное дерево. — И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... все прошло, прошло!

Пришел слуга и изрубил елку в куски — вышла целая связка растопок. Как славно запылали они под большим котлом! Дерево глубоко-глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрелы. Прибежали дети, уселись перед огнем и встречали каждый выстрел веселым «пиф! паф!». А ель, выпуская тяжелые вздохи, вспоминала ясные летние дни и звездные зимние ночи в лесу, веселый сочельник и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Так она вся и сгорела.

Мальчики опять играли на дворе; у младшего на груди сияла та самая золотая звезда, которая украшала елку в счастливейший вечер ее жизни. Теперь он прошел, канул в вечность, елке тоже пришел конец, а с нею и нашей истории. Конец, конец! Все на свете имеет свой конец.

Александр Яшин

"Покормите птиц"

Покормите птиц
зимой.

Пусть со всех концов
К вам слетятся, как
домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их —
не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем
сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

Жил-был Серый Зайка. Он был как все зайчики в лесу: резвился в лесной траве, играл с белками в чехарду, а больше всего любил спорить со всеми, особенно со старшими.

Вот так всё лето и осень Серый Зайка проигрался да пробегал, и не заметил, как наступила зима. Всё стало меняться: яркие краски осени потускнели и припорошились первой изморозью. Все лесные звери собрались на традиционный первый зимний совет. И вот вышел царь лесных зверей Медведь и каждому роду огласил свои указания. Зайчикам, как обычно, было поручено переодеть свои серые шубки на белые зимние. И тут-то наш Зайка и проявил свой непокорный нрав:

- Я не хочу менять свою серую шубку! - гордо заявил маленький бунтарь и топнул лапкой.

Бабушка Зайки подошла к нему и легонько дёрнула за ушко:

- Как это, не хочу? - строго спросила она. - Надо. Зима ведь.

- Ну и что, что зима, - не унимался Серый Зайка. - Мне моя серая шубка больше нравится. Я буду в ней ходить!

Тут на шум подошел к ним сам Медведь:

- Что тут происходит? - грозно спросил он. - Что за шум-гам-тарарам?

- Да вот, - тихо отвечала бабушка, - внучек мой мал еще, капризничает. Шубку не хочет менять.

Медведь посмотрел сурово на Зайку и спрашивает его:

- А что это ты не хочешь шубу менять? Чем тебе белая шуба не нравится?

Но Серый Зайка совсем не испугался Медведя, и ответил ему:

- Мне моя серая шубка больше нравится. У меня тут на грудке вон какое пятно красивое, рыжее. А в белой шубке я буду как все. Не хочу как все!

Медведь посмотрел пристально на малыша, подумал и улыбнулся лукаво:

- Ну если так, тогда конечно. Ладно, ходи в своей серой шубке. С пятнышком.

Серый Зайка очень обрадовался, что сам Медведь разрешил ему шубку не менять. Ну теперь-то он точно не как все!

Шли дни. Зима уже стала полноправной хозяйкою леса, и укрыла всё кругом белым снегом. Как-то раз собрались все зайцы на поляне. Сидят, морковкой хрускают, сказки да предания рассказывают.

Вдруг из леса, прямо на поляну, в самую гущу зайцев выскочил серый Волк. Все зайцы испугались, стали кричать и разбежаться кто-куда. Волк совсем растерялся: все зайцы белые, на снегу совсем не видно. Хотя... Тут-то Волк нашего Серого Зайку и заметил. Он один на снегу выделялся и был совсем не как все.

Бедный Зайка бежал что есть прыти, но Волк уже почти настигал его. И тут наш беглец со всего размаху налетел на что-то большое, ударился и упал.

Серый Зайка совсем всю свою храбрость растерял, глазки закрыл и подумал: "Ну всё, мне конец. Почему я не послушался старших? Сейчас бы уже спрятался где-нибудь, и никто бы меня не поймал..." Зайка покорно ждал своей участи, но проходили минуты, а его никто не трогал. Тогда он открыл глаза и увидел прямо перед собой Медведя.

- Ну что, Серый Зайка? Что теперь скажешь? Хороша твоя шубка-то?

Пристыженный Зайка потупил глазки и боялся посмотреть на Медведя. А тот отругал Волка, чтоб он зайцев больше не обижал, и прогнал его в лес обратно.

После этого Серый Зайка больше никогда со старшими не спорил и шубку передел.

Автор: Бианки Виталий Валентинович

Снежная книга

Набродили, наследили звери на снегу. Не сразу поймёшь, что тут было.

Налево под кустом начинается заячий след. От задних лап следок вытянутый, длинный; от передних — круглый, маленький. Пошёл заячий след по полю. По одну сторону его — другой след, побольше; в снегу от когтей дырки — лисий след. А по другую сторону заячьего следа ещё след: тоже лисий, только назад ведёт.

Заячий дал круг по полю; лисий — тоже. Заячий в сторону — лисий за ним. Оба следа кончаются посреди поля.

А вот в стороне — опять заячий след. Пропадает, дальше идёт... Идёт, идёт, идёт — и вдруг оборвался — как под землю ушёл! А где пропал, там снег примят, и по сторонам будто кто пальцами мазнул. Куда лиса делась? Куда заяц пропал?

Разберём по складам.

Стоит куст. С него кора содрана. Под кустом натоптано, наслежено. Следы заячьи. Тут заяц жировал: с куста кору глодал. Встанет на задние лапы, отдерёт зубами кусок, сжуёт, переступит лапами, рядом ещё кусок сдерёт. Наелся и спать захотел.

Пошёл искать, где спрятаться.

А вот — лисий след, рядом с заячьим. Было так: ушёл заяц спать. Час проходит, другой. Идёт полем лиса.

Глядь, заячий след на снегу! Лиса нос к земле.

Принюхалась — след свежий!

Побежала по следу.

Лиса хитра, и заяц не прост: умел свой след запутать. Скакал, скакал по полю, завернул, выкружил большую петлю, свой же след пересек — и в сторону.

След пока ещё ровный, неторопливый: спокойно шёл заяц, беды за собой не чуял.

Лиса бежала, бежала — видит: поперёк следа свежий след.

Не догадалась, что заяц петлю сделал.

Свернула вбок — по свежему следу; бежит, бежит — и стала: оборвался след!
Куда теперь?

А дело простое: это новая заячья хитрость — двойка.

Заяц сделал петлю, пересек свой след, прошёл немного вперёд, а потом обернулся — и назад по своему следу.

Аккуратно шёл — лапка в лапку.

Лиса постояла, постояла — и назад.

Опять к перекрёстку подошла.

Всю петлю выследила.

Идёт, идёт, видит — обманул её заяц, никуда след не ведёт!

Фыркнула она и ушла в лес по своим делам.

А было вот как: заяц двойку сделал — прошёл назад по своему следу.

До петли не дошёл — и махнул через сугроб — в сторону.

Через куст перескочил и залёг под кучу хвороста.

Тут и лежал, пока лиса его по следу искала.

А когда лиса ушла, — как прыснет из-под хвоста — и в чащу!

Прыжки широкие — лапки к лапкам: гонный след.

Мчит без оглядки. Пень по дороге. Заяц мимо. А на пне...

А на пне сидел большой филин.

Увидал зайца, снялся, так за ним и стелет. Настиг и цап в спину всеми когтями!

Ткнулся заяц в снег, а филин насел, крыльями по снегу бьёт, от земли отрывает.

Где заяц упал, там снег примят. Где филин крыльями хлопал, там знаки на снегу от перьев, будто от пальцев.

Улетел заяц в лес. Оттого и следа дальше нет.

Автор: Воронов Борис Александрович

Кто самый сильный?

Кто же на свете самый сильный? Не знаешь? Тогда прочти сказку, которую сложили народы Севера...

В чуме было тепло, и братья Някочи и Паполя слушали рассказы матери о трудной и опасной охоте в тундре.

Вдруг мать встревоженно сказала:

- Сынки мои! Отец вернётся с охоты не скоро, а дрова у нас на исходе... Возьмите топор, верёвки и до сумерек добудьте дров!

Тотчас же братья отправились в путь. Они бежали на лыжах легко и быстро, как олени.

- Я буду рубить дерево первым! - строго сказал Някочи.

- Нет, я! - также строго ответил Паполя.

Ни один из них не хотел уступать. Тогда Някочи сказал:

- Давай бороться! Кто победит, тот и будет первым рубить дерево!

И они стали бороться.

- Вот видишь, я сильнее тебя! - положив брата на лопатки, гордо сказал Някочи. - Значит, я буду рубить дерево первым!

Вдруг Някочи, поскользнувшись, упал.

- Ага, Лёд сильнее тебя! - закричал Паполя. - Пусть тогда он скажет, кому из нас первому рубить дерево.

Някочи и Паполя подошли к высокой Льдине.

- Эй, Льдина! - сказал Паполя. - Скажите, кому первому из нас рубить дерево! Някочи поборол меня. Вы повалили Някочи. Значит, вы самая сильная...

- Нет, сильнее меня Солнце! - ответила Льдина. - Когда оно прогреет, я начинаю таять. Идите к Солнцу и спросите у него.

Побежали братья дальше. Вскоре они увидели, как из-за снежных гор медленно и величаво поднимается по небу огненный шар. Щурясь от ослепительного света, Някочи и Паполя приветственно подняли кверху руки и низко поклонились Солнцу. Братья рассказали Солнцу о том, что их волновало.

- Не мне кланяйтесь, дети, а туче! - ответило Солнце. - Глядите! Она уже выползает из-за гор. Сейчас закроет меня и на земле станет темно и холодно. Туча сильнее меня, у неё и спросите.

Только Солнце успело произнести эти слова, как Туча закрыла всё небо. Стало темно. Поднялся ветер, пошёл снег.

- Смелее держись! - крикнул брату Някочи. - Сейчас с Тучей говорить будем.

- Туча, а Туча! - сказал он. - Я повалил Паполя, Лыдина скалила меня, Солнце растопило Лыдину, вы закрыли Солнце. Значит, вы сильнее всех! Скажите, кому из нас первому рубить дерево?

- Сказала бы, да за мной Ветер гонится. Он хочет погубить меня! - мрачно ответила Туча.

Някочи и Паполя тотчас повернулись в ту сторону, куда со страхом глядела Туча. В то же мгновение налетел на них Ветер: он подул так, что Някочи и Паполя едва устояли на ногах.

- Эй, Ветер! - пересиливая вой и свист, прокричал Паполя. - А Скалу вы сможете сдвинуть с места?

- Всё, всё могу! - прорычал, хвастаясь, Ветер. - И Скалу могу опрокинуть!

С этими словами Ветер ударил по Скале с такой страшной силой, что, казалось, она надломится и упадёт. Но вышло совсем не так, как хотелось злему Ветру. Страшный удар был его последним ударом - он разбился о Скалу насмерть.

А Скала продолжала стоять, как и прежде, невредимая, высокая и могучая.

- О-о-о! Видно, Скала сильнее Ветра! - решили мальчики. - Спросим у неё.

Подошли к скале братья.

- Будьте так добры! - обратился к ней Някочи. - Мы убедились, что сильнее вас нет никого на свете. Так скажите, пожалуйста, кому из нас первому рубить дерево?

- Дети, сильнее меня Дерево! - ответила Скала. - Оно растёт на моей вершине и своими корнями разрушает меня. Спросите у Дерева.

Преодолевая препятствия на трудном пути, братья добрались, наконец, до вершины Скалы. На вершине стояло крючковатое сухое Дерево.

Някочи спросил:

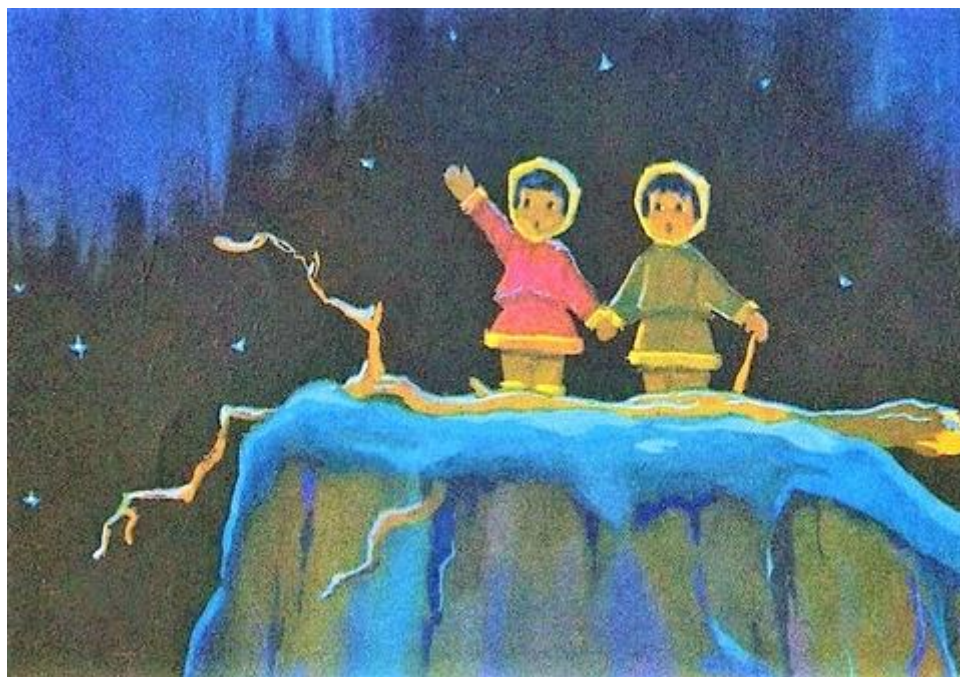
- Послушайте, Дерево! Это правда, что вы сильнее всех?

- Всех сильнее на свете я! - кривляясь, ответило уродливое Дерево.

- Вот это уж неправда! - возмутился Паполя. - Ты же сухое и слабое!

- А такое нам и надо! - весело сказал Някочи. - Дай-ка мне топор...

И Някочи начал изо всех сил рубить Дерево под самый корень. Сменяя друг друга, братья работали до тех пор, пока подрубленное дерево с треском не упало к их ногам.

- Теперь мы нарубим дров много-много, - обрадовался Някочи.
- Выходит, что мы с тобой, Някочи, самые сильные?! - удивлённо произнёс Паполя.
- Нет на земле никого сильнее человека! - торжественно ответило ему выглянувшее Солнце.
- Да, человек сильнее всех! - согласились с Солнцем Туча и Скала. - Человек самый сильный!

Даниил Хармс

Лыжная прогулка в лес

Когда на улице мороз,
а в комнате пылает печь,
Когда на улице так больно щиплет
нос,
и снег спешит на шапку лечь.
И под ногами снег хрустит
и падает за воротник,
и белый снег в лицо летит,
и человек весь белый в миг.
Тогда мы все бежим бегом
на зимнюю площадку, —
Кто свитр подпоясывает кушаком,
кто второпях натягивает теплую
перчатку.
Вожатый дышит на морозе паром
и раздает нам лыжи.
Мы надеваем лыжи и становимся
по парам.
Вперед становится кто ростом
ниже,
а сзади тот, кто ростом выше.
И вот:
Вожатый сам на лыжи влез,
он поднял руку, крикнул: «в ход!»,
и мы бежим на лыжах в лес.
Бежим на лыжах с снежных гор,
мы по полю бежим,
с холмов бежим во весь опор,
хохочем и визжим.
И снег летит нам прямо в рот,
И Петька, самый младший пионер,
кидается снежком.
Кричит вожатый: «Поворот!»,
Но круто поворачиваться мы
на лыжах не умеем и
поворачиваемся пешком.

Вот мы в лесу, в лесу сосновом
Бежим на лыжах мы гуськом.
И снег визжит,

Вот пень с дуплом — уютное
жилище совам,
Вот дерево поваленное ветром
поперек пути лежит,
Вот белка пролетела в воздухе над
нами,
Вот галка села на сосну и с ветки
снег упал,
«Глядите, заяц!» — крикнул
Петька, замахав руками
И верно, заяц проскакал.

Мы бегаем в лесу, кричим «ау»,
хватаем снег в охапку,
Мы бегаем в лесу поодиночке
и гуськом и в ряд.
Мелькают между сосен наши
шапки
И щеки наши разгорелись и горят.
И мы несемся там и тут
И силы наши все растут.
Мы сквозь кусты и чащи лупим.
Мы комсомольцам не уступим!

Лев Квитко — На катке

Мчатся, мчатся,
мчатся, мчатся,
С буйным ветром повстречаться,
Чтоб звенело,
Чтоб несло,
Чтобы щеки обожгло!
Раскатиться спозаранок
И на санках, и без санок,
На поленьях,
На бревне,
На коленях,
На спине,
Лишь бы вниз, лишь бы в снег,
Лишь бы съехать раньше всех!
Шлет мороз снега-метели
Подымать ребят с постели.
Скучно в поле одному,
Песню мы споем ему:
«Озорной и смелый,
Белый-белый-белый,
Ты приходишь из-за гор
Нас вытаскивать во двор.
Ты всю зиму с нами —
Мчишься за санями,
Больно щиплешь уши,
Все дороги сушишь.
На прудах, у реки
Ты построил нам катки,
Их раскинул вширь и вдаль,
Сделав крепкими, как сталь!»

Николай Носов

Наш каток

Осенью, когда стукнул первый мороз и земля сразу промёрзла чуть ли не на целый палец, никто не поверил, что уже началась зима. Все думали, что скоро опять развезёт, но мы с Мишкой и Костей решили, что сейчас самое время начинать делать каток. Во дворе у нас был садик не садик, а так, не поймёшь что, просто две клумбы, а вокруг газончик с травой, и всё это заборчиком огорожено. Мы решили сделать каток в этом садике, потому что зимой клумбы всё равно никому не видны.

Костя сказал:

– Только надо, ребята, сначала получить разрешение у управдома. Иначе и начинать нельзя. Дворничиха всё равно ничего делать не даст.

– А вдруг управдом не позволит? – сказал Мишка. – Летом просили волейбольную площадку устроить – не разрешил, зверь такой!

– Я думаю, разрешит, – сказал Костя. – Дмитрий Савельевич хороший человек. Только с ним надо дипломатично поговорить.

– Это как – дипломатично? – не понял Мишка.

– Ну, значит, вежливо. Взрослые любят, чтоб с ними вежливо разговаривали, а такие слова, как “зверь”, никому не могут понравиться.

– Что ты! – замахал Мишка руками. – Да разве я такие слова когда говорю? Это я ведь за глаза только.

– “За глаза”! – усмехнулся Костя. – Ты в глаза ещё и не такое скажешь! Я тебя хорошо изучил. Вот придём в домоуправление, так ты уж лучше молчи, я сам поговорю с управдомом как надо.

Мишка говорит:

– Ладно.

Мы тут же отправились в домоуправление. На наше счастье, управдом оказался на месте. Он сидел за столом, заваленным ворохом разных бумажек. Посреди этого вороха лежала тетрадка. Левой рукой управдом водил по цифрам, которые были в тетрадке, а правой что-то записывал.

– Здравствуйте, Дмитрий Савельевич, – сказал Костя вежливо.

– Здравствуй, дружок, здравствуй! – Управдом даже не обратил на нас внимания и продолжал водить пальцем по цифрам.

– Мы к вам, Дмитрий Савельевич.

– Вижу, дружок, вижу. Зачем пришли?

– Хотим немножко поговорить с вами, – продолжал Костя.

– Ну, говори, говори.

– Хотим спросить у вас.

– Спрашивай, спрашивай.

– Мы хотим спросить у вас, Дмитрий Савельевич, одну вещь: скажите, пожалуйста, вы должны вести у нас какую-нибудь спортивную работу?

– Какую это спортивную работу? – спросил Дмитрий Савельевич и, прижав пальцем цифру в тетрадке, посмотрел на нас поверх очков.

– Ну, как управдом вы должны вести у нас спортивную работу.

Дмитрий Савельевич поставил карандашом отметку возле прижатой цифры, провёл по голове рукой, будто хотел причесать волосы, и сказал:

– То есть, по-моему, это вы... Вы сами должны вести спортивную работу.

– Мы это понимаем, – ответил Костя. – Мы сами должны вести спортивную работу. А вот вы нам помогать будете?

Управдом наклонил набок голову, развёл над столом руками:

– А что вы хотите сделать?

– Мы хотим устроить каток на зиму.

– А, хорошо, хорошо! Делайте, что ж... А где вы его хотите сделать?

Костя рассказал, что мы хотим разровнять в садике землю, полить водой и провести электричество, чтобы можно было кататься при свете.

Управдом одобрил наш план. Он заметно повеселел, так как сначала испугался и подумал, что мы хотим заставить его самого вести спортивную работу, но, увидев, что от него ничего такого не требуется, сказал:

– Действуйте, ребятки, а если что понадобится, приходите ко мне.

– Вот что значит дипломатический разговор! – сказал Мишка, когда мы вышли от управдома. – Ты молодец, Костя. Я теперь тоже так буду.

После этого мы организовали ребят и сказали, что, кто не будет работать, того не пустим кататься. Поэтому все рьяно взялись за дело. Кто-то из ребят придумал разломать с одной стороны заборчик и отнести его шагов на десять в сторону, чтобы каток получился шире.

Всё у нас шло очень ловко и хорошо, но только до тех пор, пока нашу работу не заметила Лёлькина мама.

– Это что у вас за строительство? – спросила она. – Зачем разоряете садик?

Мы с Костей стали объяснять ей, что здесь будет каток.

– Ну каток, – говорит она. – А зачем же клумбы уничтожать? Делайте себе каток вокруг клумб.

Мы с Костей хотели объяснить ей всё вежливо, но тут в дело вмешался Мишка.

– Как же вокруг клумб кататься? – с презрением на лице сказал он. – Разве вы не видите, что они четырёхугольные? Или вы ничего не понимаете своей головой?

– Я-то своей головой всё понимаю, – ответила Лёлькина мама. – А вот ты, видно, не понимаешь. Вот пойду скажу управдому, что вы здесь затеяли.

– Ха-ха! – сказал Мишка. – Идите. И скажите. И посмотрим, что вам управдом скажет.

От управдома Лёлькина мама вернулась злая-презлая. Видно, он объяснил ей, что разрешил нам делать каток. Она больше ничего не сказала нам, но вместо этого стала говорить всем жильцам, что теперь маленьким детям даже погулять будет негде, и Григорию Кузьмичу из пятой квартиры наябедничала, что мы перенесли заборчик и теперь он не сможет выехать из гаража на своей автомашине. Григорий Кузьмич моментально из дома выскочил и стал требовать, чтоб мы перенесли заборчик обратно. Мы с Костей вежливо начали объяснять ему, что машина проедет, но тут снова вмешался Мишка.

– Смотрите, – закричал он, – сколько здесь для проезда места осталось! Разве вы не понимаете, что машина очень свободно проедет? Должна же у вас голова хоть немного соображать!

Услышав такую грубость, Григорий Кузьмич страшно рассердился, привёл управдома и стал доказывать, что заборчик надо поставить на место, а управдом стал доказывать, что заборчик может и здесь стоять. Кончилось тем, что они поссорились и Григорий Кузьмич побежал писать на управдома жалобу, а управдом сказал нам:

– Имейте в виду, больше я ни с кем из-за вас ругаться не стану. Если ещё хоть кто-нибудь на вас пожалуется, запрещаю делать каток!

– Это всё ты виноват! – сказал Костя Мишке. – И что ты всё лезешь со своими грубостями? Не можешь говорить дипломатично – молчи!

– Я ведь дипломатично, – ответил Мишка.

В общем, из-за Мишки мы со всеми жильцами поссорились. Все были недовольны нами и только и делали, что ворчали на нас.

Через несколько дней наступила оттепель, и работать нам стало легче. Мы разровняли площадку, сделали по краям земляной бортик, даже заборчик покрасили и принялись за устройство электрического фонаря. Деньги собрали со всех ребят, купили электрический шнур, лампочку и патрон. Столб для фонаря у нас уже давно был. Он остался после ремонта дома и лежал посреди двора. Мы его врыли в землю, а проводку нам помог сделать дядя Серёжа из девятой квартиры. Такой хороший человек оказался. Мы даже хотели про него написать в газету, но сначала некогда было, а потом как-то забыли.

И вот, когда всё было сделано и наш фонарь готов был засиять над катком ярким светом, в дело вмешалась дворничиха тётя Даша.

– Вот что, ребятушки, – сказала она, – столб вам придётся отдать, потому что на будущее лето он для ремонта понадобится.

Костя принялся доказывать ей, что столбу мы ничего плохого не сделаем, и в конце концов он, наверное, уговорил бы её, но тут Мишка не выдержал.

– Постой, – говорит, – сейчас я ей всё дипломатически объясню. – Он оттолкнул Костю и давай кричать: – Это что, по-вашему, столб? А для чего, по-вашему, сделали столб? По-вашему, столб сделали, чтоб он, дожидаясь ремонта, целую зиму под снегом гнил? У вас что на плечах, голова или ещё что-нибудь?

Кончилось тем, что тётя Даша рассердилась и побежала в домоуправление.

– Вот видишь, что ты наделал, – сказал Костя. – Управдом ведь предупредил, что больше терпеть не станет. Все ребята на Мишку набросились.

– Из-за тебя, – говорят, – каток запретят! Даром трудились только!

Мишка готов был рвать на себе волосы от досады.

– И как это у меня вырвалось? – убивался он. Вдруг смотрим – тётя Даша обратно бежит, а за ней управдом. Мишка увидел, уцепился руками за столб и как завоет:

– Не отдам столб, не отдам! Я накоплю денег и заплачу вам за него. Целую зиму не буду мороженого есть. Управдом услышал и только рукой махнул.

– Ладно, – говорит, – берите себе этот столб. И ушёл. А тётя Даша увидела, что у неё ничего не вышло, и говорит:

– Хорошо же! Мы ещё поговорим с вами!

И вот потянулись самые тяжёлые дни. Две недели подряд стояла оттепель, даже лёгонького морозца не было. Снег иногда падал, но тут же таял и только разводил слякоть. Мы с Мишкой начали думать, что в этом году уже совсем не будет зимы, и приходили в отчаяние.

Наконец ударил долгожданный мороз. И тут у нас начались новые приключения. Никто не хотел нам давать воды для катка. Сначала мы пошли к тёте Даше и стали просить, чтоб она дала нам свой дворницкий шланг, чтобы полить каток из шланга, но она не дала.

Говорит:

– Я вообще против вашего катка. Весной растает, а убирать мне! Все жильцы против катка. Вот мы напишем управдому заявление, чтоб разорил.

Мы говорим:

– Не даёте, мы и без вас польём. Каток замёрзнет, сами придёте к нам кататься.

– И не приду! А замёрзнет, так я его золой посыплю, всё равно никто не будет кататься.

Мы стали таскать воду вёдрами из кухни шестой квартиры, но нас скоро оттуда прогнали: сказали, что мы нанесли им грязи. А какая там грязь, когда во дворе никакой грязи не было! Стали мы таскать воду из первой квартиры, но нас и оттуда выгнали. Мы пошли в четвёртую, нас стали и оттуда гнать.

Тут Мишка вспомнил, что у дяди Андрея из двадцатой квартиры есть маленький шланг. Мы все видели, как дядя Андрей обмывал летом из этого шланга свой мотоцикл. Мы пошли и попросили у него этот шланг. И какой оказался человек добрый! Дал шланг и даже сказал, что пусть будет у нас до конца зимы. Бывают же такие люди на свете! Мы про него тоже решили написать в газету, но потом тоже почему-то забыли. Всё было как-то не до того.

Завладев шлангом, мы пошли на кухню четвёртой квартиры. Там два водопроводных крана.

Мишка сказал:

– Здесь мы никому не помешаем: к одному крану привернём шланг, а из другого пусть жильцы берут воду.

Мы присоединили шланг к крану и принялись поливать каток. Сначала дело шло хорошо. Струя воды с силой била из шланга и доставала во все уголки площадки. Мишка держал шланг обеими руками и улыбался во всю ширину лица. Струя шипела, трещала, так что у всех становилось радостно на душе. Неожиданно произошла задержка: струя вдруг стала слабее, потом словно увяла и совсем перестала течь.

– Что такое? – удивился Мишка. – Наверно, шланг отскочил от крана.

Прибежали на кухню. Шланг на месте, а вода не течёт. Смотрим – кран закрыт.

– Что за ехидство? – говорит Мишка. – Кому это понадобилось привернуть кран?

Отвернули мы кран, стали поливать снова. Вдруг опять – стоп! – не течёт вода. Прибегаем на кухню, снова никого нет, а кран привёрнут.

И так несколько раз.

Наконец мы догадались поставить у крана стражу, и только после этого дело пошло на лад. Поздней ночью мы кончили поливать каток, но так и не узнали, кто придумал это озорство с краном.

За ночь вода замёрзла крепко-накрепко. На следующий день состоялось торжественное открытие катка. Все ребята собрались вокруг. Лёд блестел что своё зеркало. Мишка первый выехал на середину льда.

– Каток объявляю открытым! – закричал он и тут же шлёпнулся.

Все, как по команде, бросились на лёд, и пошло катание. Катались и на коньках и без коньков. Все смеялись и падали. Коньки звенели и с шипением резали лёд. Катались даже те, которые не строили катка, но мы им не запрещали. Хотелось, чтоб в такой день все были радостные и счастливые.

Даже многие взрослые вышли во двор и смотрели на наше веселье. А управдом Дмитрий Савельевич тоже пришёл и сказал:

– Вот куплю себе коньки и буду приходить по вечерам кататься. Вспомню молодость!

Потом он на самом деле купил коньки и часто ночью, когда ребята уже давно спали, приходил и катался на нашем катке. Настолько хороший человек оказался, что хотелось написать о нём в газету!

Наш каток был хороший, большой и крепкий. Про него ничего нельзя было сказать плохого. Но скоро катающихся оказалось так много, что всем не хватало места. И вот Мишка, чтоб разгрузить каток, придумал меру: у кого двойка – не пускать на каток, пока не исправит. С тех пор каждый, кто приходил кататься, должен был показать свой дневник. Некоторым двоечникам пришлось подтянуться.

Кончилось дело тем, что Мишка сам схватил двоечку по русскому языку. Уж очень он увлёкся катанием. После школы он даже не пошёл на каток. Ему стыдно было показывать свой дневник ребятам.

В этот день на катке шла игра в хоккей. Многие взрослые пришли посмотреть на нашу игру. Все глядели на нас, и никто не ругался. Даже тётя Даша смотрела и ласково улыбалась. Она была довольна, что её маленький Шурик играет вместе со старшими ребятами и никто не прогоняет его. Когда хоккейный мячик выскакивал с катка за бортик, она поднимала его и бросала обратно на лёд.

Вдруг Глебкина мама заметила, что среди играющих нет Мишки.

– Слушайте, где же Миша? – спросила она. – Строил, строил каток, а сам не катается. Может быть, он болен?

– Надо бы проведать его, – сказала Лёлькина мама. Они обе решили пойти проведать Мишку. Я пошёл проводить их. Когда мы пришли. Мишка сидел за столом и делал

уроки.

– Почему же ты, Миша, не катаешься? – спросила Глебкина мама.

Мишка сказал, что ему задали много уроков и сегодня он на каток не пойдёт.

– Ты хороший мальчик, – сказала Глебкина мама. – Это вы хорошее дело придумали – устроить каток. А Лёлькина мама сказала:

– С катком и родителям стало гораздо спокойнее. В прошлую зиму моя Лёлочка каталась на улице и чуть не попала под автомобиль. В прошлом году все ребята катались на улице, а теперь их на улицу и калачом не заманишь. Все липнут к этому катку, как не знаю к чему!

Они поговорили между собой и ушли.

– Вот видишь! – сказал Мишка. – А помнишь, как все нас ругали, говорили – золой засыпят, не давали нам шланг, не давали воды! А

теперь сами благодарят. Да ладно, – махнул он рукой. – Что с них спрашивать!

Мне было жалко, что Мишка не может пойти на каток. Я тоже решил не кататься в этот день, а вместо этого засесть за уроки, потому что и у меня кое-что было сильно запущено. Я пошёл домой и занимался до поздней ночи, сделал уроки как следует, а когда всё было выучено, я, вместо того чтоб лечь спать, нацепил коньки и вышел во двор.

Над нашим катком ярко горела лампочка. Вокруг стояли деревья с белыми, точно сахарными, веточками. Сверху падали крупные хлопья снега и мягко ложились на лёд. А среди этих хлопьев кружилась по катку маленькая фигурка. Я присмотрелся получше и увидел, что эта фигурка был просто Мишка. Он тоже, вроде меня, не мог прожить ни одного дня без катка.

Недавно в вечерней газете писали, что первым в этом сезоне открылся каток динамовцев на Петровке. Но это неправда! Первый каток в эту зиму был открыт у нас во дворе. Он начал работать на полторы недели раньше, чем каток на Петровке, только никто не догадался написать об этом в газету.

Георгий Скребицкий

Снеговик

За ночь выпало много снега. Утром, когда ребяташки пошли в детский сад, они просто не узнали свою улицу: она была вся белая — и мостовая, и тротуары, и крыши домов. А воздух был чистый, прозрачный, и в нём так хорошо пахло свежим, только что выпавшим снегом!

После завтрака ребяташки оделись и вместе со своей воспитательницей Марьей Ивановной вышли во двор. Тут они принялись за работу: накладывали на санки лопаточками снег, отвозили его на середину двора и сваливали в большую кучу. Ребята старались наложить на санки побольше снега, потом один впрягался и тянул за верёвку, а другой подталкивал сзади. Тот, кто тянул, был лошадей, фыркал и брыкался, а кто подталкивал — был возчиком. Он покрикивал на лошадей и даже слегка подстёгивал её хвостинкой. Лошадь на это не обижалась. — Вот мы с Петей какой огромный воз привезли! — крикнул Коля, подвозя санки к Марье Ивановне. — Молодцы! — похвалила она.

Другие ребяташки тоже не отставали в работе, и скоро посреди двора выросла большая куча снега.

Тогда начали лепить деда-снеговика. Сначала слепили туловище, потом скатали из снега круглый ком и положили на туловище — получилась голова. Вместо глаз вставили два уголька, а вместо носа приделали большую, толстую морковь. Руки Марья Ивановна вылепила из снега и в одну дала метёлку, а другую снеговик упёрся в бок. Так он и стоял, подбоченясь, с метлой в руке. На голову ему надели

старую соломенную шляпу.

Эта шляпа ребятам была давно знакома. Прошлым летом на даче Марья Ивановна сначала ходила в ней за грибами. Потом как-то раз грибов набрали очень много — их некуда было класть, и тогда шляпа Марьи Ивановны превратилась в корзинку. Затем из корзинки она превратилась в сачок, ребята ловили им головастика и водяных жуков.

А теперь Марья Ивановна опять достала шляпу из кладовки, вставила сбоку вместо пера прутик и надела её на голову снеговика:

— Ну, вот и готово!

Ребятишки и Марья Ивановна отошли в сторону, чтобы издали полюбоваться на свою работу.

И вдруг все так и замерли: с соседнего дерева прямо на голову снеговика спорхнула синичка. Ребята её хорошо знали. Она постоянно летала вместе с воробьями по двору возле дома и клевала хлебные крошки. Ими дети кормили птиц. Эта синичка была очень смелая. Она часто садилась на подоконник и даже на форточку. Вот и теперь она прыгала на шляпе снеговика и несколько раз что-то с неё склюнула. А потом перелетела на длинный морковный нос и давай его долбить!

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! — заволновались дети. — Она ему весь нос отключёт!

— Нет, ребята, не бойтесь! — засмеялась Марья Ивановна. — А знаете, что я придумала? Давайте так устроим, чтобы наш дед-снеговик кормил птиц.

— Давайте, давайте! — закричали все, перебивая друг друга.

Синичка испугалась, взлетела на дерево и уселась на ветку.

— Слушайте, — сказала Марья Ивановна, — мы дадим снеговiku в руки не метёлку, а дощечку, чтобы он держал её перед собой, как поднос. А на дощечку каждое утро будем сыпать разные крошки и зёрнышки. Вот наш снеговик и станет кормить птиц.

— Ой, как хорошо! — обрадовались дети и даже запрыгали от восторга.

Они быстро отыскивали подходящую дощечку и принесли её Марье Ивановне. Тогда она переделала руки снеговiku. Теперь он держал ими дощечку. На неё дети насыпали хлебных крошек, зёрен, а маленькая Таня даже положила кусочек сахара, который оставила от чая для куклы.

Угощение было готово, и дети побежали домой, чтобы глядеть в окно, как птицы прилетят к деду-снеговiku.

Но в этот день почему-то никто из крылатых гостей не захотел попробовать угощения ребят.

Зато на следующее утро птицы, наверно, перестали бояться. Первой прилетела на дощечку бойкая синица, а следом за нею туда же собралась целая стайка воробьёв. Дед-снеговик угощал птиц. Он держал дощечку, как блюдо, на вытянутых руках и поглядывал на воробьёв и синичку чёрными угольными глазами, будто хотел сказать: «Кушайте, кушайте получше, набирайтесь побольше сил».

И птицы очень охотно клевали крошки и зёрнышки.

Зима во дворе

Анна Вишневская

На улице идет снежок,
Сугробы намело!
На лужах тоненький ледок,
И все белым - бело.

Стоят деревья в серебре,
Укрытые снежком.
Котенок лапками трясет,
Бежит скорее в дом.

А во дворе полно ребят,
Идет игра в снежки
Морковкой красною гордясь
Стоят снеговики.

На горке шум, на горке гам
Вокруг ребячий смех,
Идет веселая игра:
Кто съедет дальше всех.

Уже застыл большой каток,
Протоптана лыжня.

И подгоняет ветерок -
Катайся, ребятня!

Зимние забавы

Анна Вишневская

Мы на горку собирались.
Одевались целый час!
Санки взяли и ледянки,
Эх, прокатимся сейчас!

Наша мама шарф связала,
В руки варежки дала!
Сапоги на нас надела
И на горку отвела!

Белый снег, попутный ветер!
Мчимся мы с тобой с горы,
А когда наступит вечер
Быстро к дому: я и ты.

Покраснели наши щёчки,
Заморозился наш нос.
Запорошил наши шубки
Добрый дедушка Мороз.

Дома, возле батареи,
Будем мы с тобой сидеть!
Ручки, ножки согреем
И пойдем кино смотреть.

Я на горку завтра снова
Вместе с братиком пойду!
 Попрошу его ледянку,
Свои санки - дам ему!

Четыре желания

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

— Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была.

— Запиши своё желание в мою карманную книжку, — сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

— Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене, а вечером сказал отцу:

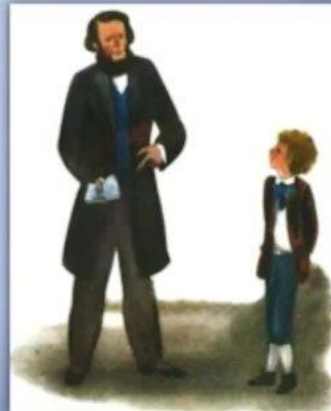
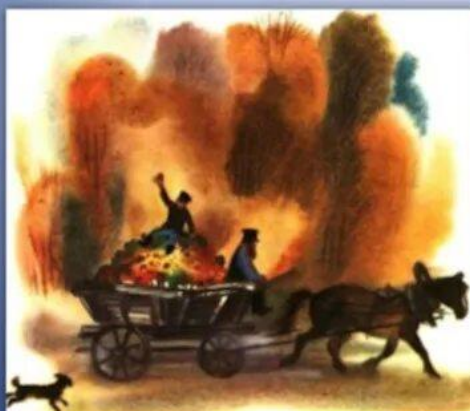
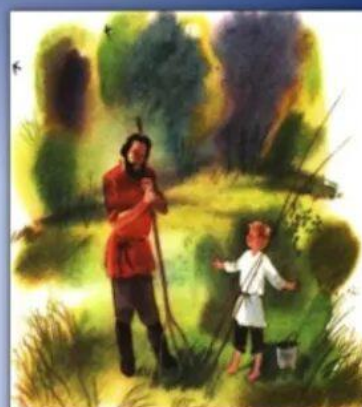
— Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

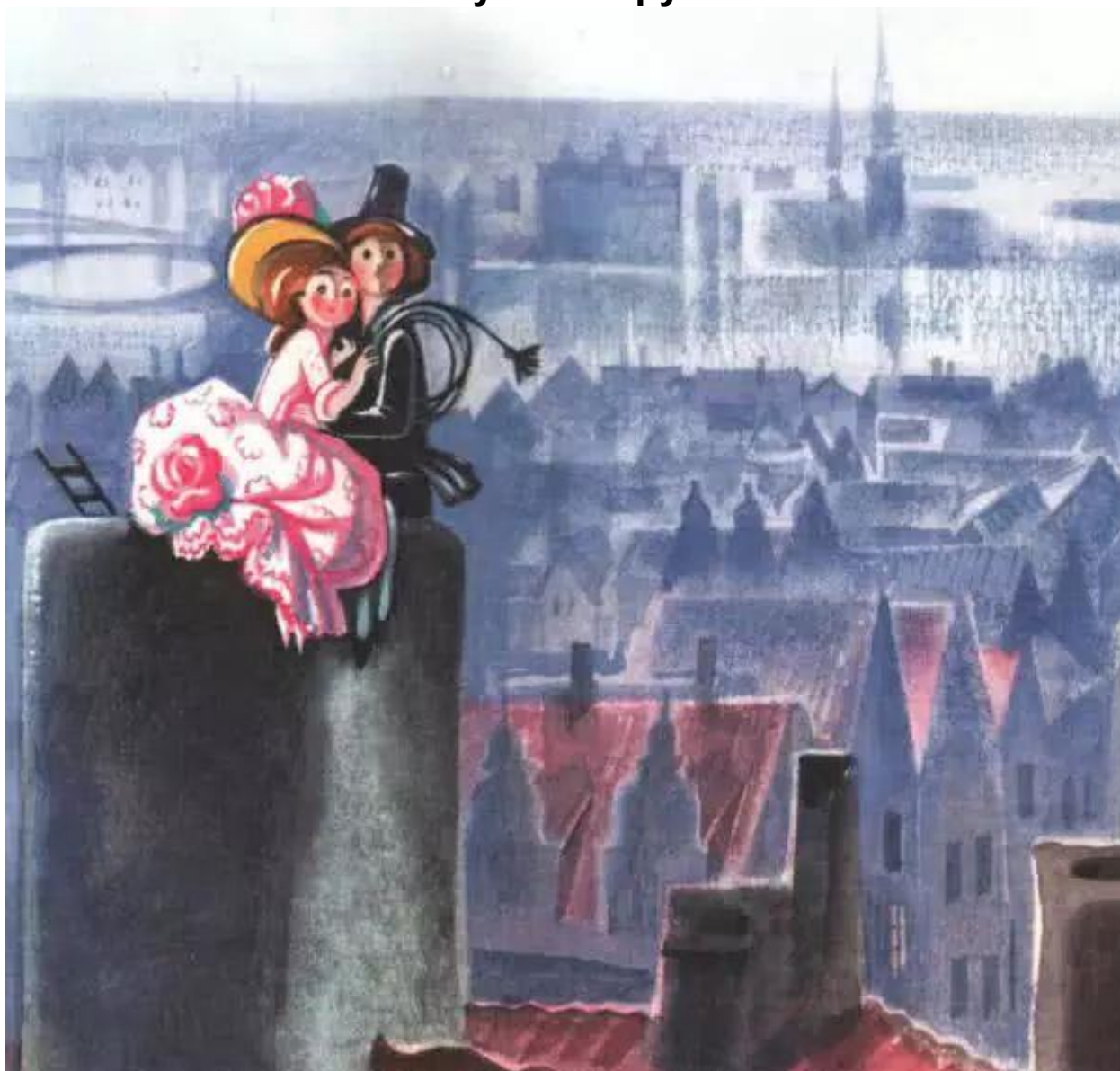
Наступила осень. В саду собирали плоды — румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

— Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

Пастушка и трубочист

Видали вы когда-нибудь старинный-старинный шкаф, почерневший от времени и украшенный резными завитушками и листьями? Такой вот шкаф — прабабушкино наследство — стоял в гостиной. Он был весь покрыт резьбой — розами, тюльпанами и самыми затейливыми завитушками. Между ними выглядывали оленьи головки с ветвистыми рогами, а на самой середке был вырезан во весь рост человечек. На него нельзя было смотреть без смеха, да и сам он ухмылялся от уха до уха — улыбкой такую гримасу никак не назовешь. У него были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода. Дети звали его обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног, потому что выговорить такое имя трудно и дается такой титул не многим. Зато и вырезать такую фигуру не легко, ну да все-таки вырезали. Человечек все время смотрел на подзеркальный столик, где стояла хорошенькая фарфоровая пастушка. Позолоченные башмаки,

юбочка, грациозно подколотая пунцовой розой, позолоченная шляпа на головке и пастуший посох в руке — ну разве не красота!

Рядом с нею стоял маленький трубочист, черный, как уголь, но тоже из фарфора и такой же чистенький и милый, как все иные прочие. Он ведь только изображал трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать его принцем — все равно!

Он стоял грациозно, с лестницей в руках, и лицо у него было бело-розовое, словно у девочки, и это было немножко неправильно, он мог бы быть и почумазей. Стоял он совсем рядом с пастушкой — как их поставили, так они и стояли. А раз так, они взяли да обручились. Парочка вышла хоть куда: оба молодые, оба из одного и того же фарфора и оба одинаково хрупкие.

Тут же рядом стояла еще одна кукла, втрое больше их ростом, — старый китаец, умевший кивать головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, вот только доказательств у него не хватало. Он утверждал, что она должна его слушаться, и потому кивал головою обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Хороший у тебя будет муж! — сказал старый китаец. — Похоже, даже из красного дерева. С ним ты будешь обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержантшей. У него целый шкаф серебра, не говоря уж о том, что лежит в потайных ящиках.

— Не хочу в темный шкаф! — отвечала пастушка. — Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жен!

— Ну так будешь двенадцатой! — сказал китаец. — Ночью, как только старый шкаф закричит, сыграем вашу свадьбу, иначе не быть мне китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

А пастушка расплакалась и, глядя на своего милого фарфорового трубочиста, сказала:

— Прошу тебя, убежим со мной куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться.

— Ради тебя я готов на все! — отвечал трубочист. — Уйдем сейчас же! Уж наверное, я сумею прокормить тебя своим ремеслом.

— Только бы спуститься со столика! — сказала она. — Я не вздохну свободно, пока мы не будем далеко-далеко!

Трубочист успокаивал ее и показывал, куда ей лучше ступать своей фарфоровой ножкой, на какой выступ или золоченую завитушку. Его лестница также сослужила им добрую службу, и в конце концов они благополучно спустились на пол. Но, взглянув на старый шкаф, они увидели там страшный переполох. Резные олени вытянули вперед головы, выставили рога и вертели ими во все стороны, а обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног высоко подпрыгнул и крикнул старому китайцу:

— Они убегают! Убегают!

Пастушка и трубочист испугались и шмыгнули в подоконный ящик. Тут лежали разрозненные колоды карт, был кое-как установлен кукольный театр. На сцене шло представление.

Все дамы — бубновые и червонные, трефовые и пиковые — сидели в первом ряду и обмахивались тюльпанами, а за ними стояли валеты и старались показать, что и они о двух головах, как все фигуры в картах. В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали, и пастушка заплакала: это так напомнило ее собственную судьбу.

— Сил моих больше нет! — сказала она трубочисту. — Уйдем отсюда!

Но когда они очутились на полу и взглянули на свой столик, они увидели, что старый китаец проснулся и раскачивается всем телом — ведь внутри него перекачивался свинцовый шарик.

— Ай, старый китаец гонится за нами! — вскрикнула пастушка и в отчаянии упала на свои фарфоровые колени.

— Стой! Придумал! — сказал трубочист. — Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушеными душистыми травами и цветами? Спрячемся в нее! Ляжем там на розовые и лавандовые лепестки, и если китаец доберется до нас, засыплет ему глаза солью*.

— Ничего из этого не выйдет! — сказала пастушка. — Я знаю, китаец и ваза были когда-то помолвлены, а от старой дружбы всегда что-нибудь да остается. Нет, нам одна дорога — пуститься по белу свету!

— А у тебя хватит на это духу? — спросил трубочист. — Ты подумала о том, как велик свет? О том, что нам уж никогда не вернуться назад?

— Да, да! — отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на нее и сказал:

— Мой путь ведет через дымовую трубу! Хватит ли у тебя мужества залезть со мной в печку, а потом в дымовую трубу? Там-то уж я знаю, что делать! Мы поднимемся так высоко, что до нас и не доберутся. Там, на самом верху, есть дыра, через нее можно выбраться на белый свет!

И он повел ее к печке.

— Как тут темно! — сказала она, но все-таки полезла за ним и в печку, и в дымоход, где было темно хоть глаз выколи.

— Ну вот мы и в трубе! — сказал трубочист. — Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звездочка!

На небе и в самом деле сияла звезда, словно указывая им путь. А они лезли, карабкались ужасной дорогой все выше и выше. Но трубочист поддерживал пастушку и подсказывал, куда ей удобнее ставить свои фарфоровые ножки. Наконец они добрались до самого верха и присели отдохнуть на край трубы-они очень устали, и немудрено.

Нам ними было усеянное звездами небо, под ними все крыши города, а кругом на все стороны, и вширь и вдаль, распахнулся вольный мир. Бедная пастушка никак не думала, что свет так велик. Она склонилась головкой к плечу трубочиста и заплакала так горько, что слезы смыли всю позолоту с ее пояса.

— Это для меня слишком! — сказала пастушка. — Этого мне не вынести! Свет слишком велик! Ах, как мне хочется обратно на подзеркальный столик! Не будет у меня ни минуты спокойной, пока я туда не вернусь! Я ведь пошла за тобой на край света, а теперь ты проводи меня обратно домой, если любишь меня!

Трубочист стал ее вразумлять, напоминал о старом китайце и обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанте Козлоноге, но она только рыдала безутешно да целовала своего трубочиста. Делать нечего, пришлось уступить ей, хоть это и было неразумно.

И вот они спустились обратно вниз по трубе. Не легко это было! Оказавшись опять в темной печи, они сначала постояли у дверцы, прислушиваясь к тому, что делается в комнате. Все было тихо, и они выглянули из печи. Ах, старый китаец валялся на полу: погнавшись за ними, он свалился со столика и разбился на три части. Спина отлетела начисто, голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант стоял, как всегда, на своем месте и раздумывал.

— Какой ужас! — воскликнула пастушка. — Старый дедушка разбился, и виною этому мы! Ах, я этого не переживу!

И она заломила свои крошечные ручки.

— Его еще можно починить! — сказал трубочист. — Его отлично можно починить! Только не волнуйся! Ему приклеят спину, а в затылок вгонят хорошую заклепку, и он опять будет совсем как новый и сможет наговорить нам кучу неприятных вещей!

— Ты думаешь? — сказала пастушка.

И они снова вскарабкались на свой столик.

— Далеко же мы с тобою ушли! — сказал трубочист. — Не стоило и трудов!

— Только бы дедушку починили! — сказала пастушка. — Или это очень дорого обойдется?..

Дедушку починили: приклеили ему спину и вогнали в затылок хорошую заклепку. Он стал как новый, только головой кивать перестал.

— Вы что-то загордились с тех пор, как разбились! — сказал ему обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног. — Только с чего бы это? Ну так как, отдадите за меня внучку?

Трубочист и пастушка с мольбой взглянули на старого китайца: они так боялись, что он кивнет. Но кивать он уже больше не мог, а объяснять посторонним, что у тебя в затылке заклепка, тоже радости мало. Так и осталась фарфоровая парочка неразлучна. Пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклепку и любили друг друга, пока не разбились.

Автор: Драгунский Виктор Юзёфович

Заколдованная буква

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нем лежит ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали ёлку выгружать. Они кричали друг на друга:

– Легче! Давай заноси! Правёя! Левёя! Становь её на попа! Легче, а то весь шпиц обломаешь.

И когда выгрузили, шофер сказал:

– Теперь надо эту ёлку заактивировать, – и ушёл.

А мы остались возле ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

– Смотрите, а на ёлке сыски висят.

«Сыски»! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатались. Мы смеялись с ним оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтобы он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

– Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару:

– Пять лет девчонке, а говорит «сыски»... Хаха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

– Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

– Ик!.. Сыски. Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

– Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она – сыски.

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

– Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Мишка сказал:

– Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я все равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово – хыхх-кии! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зелёная,

Боюсь уколюся я.

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:

– Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо сыски!

А Мишка:

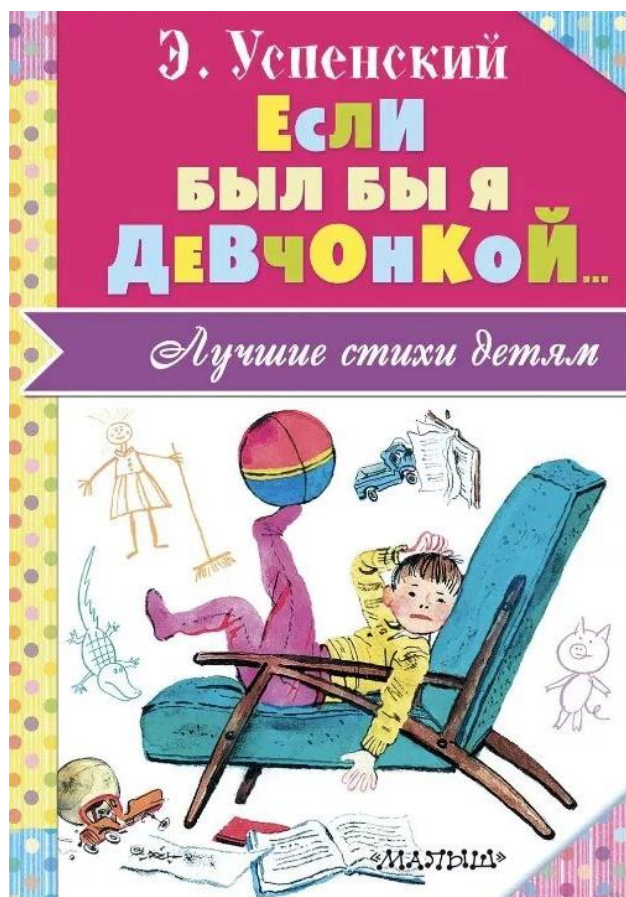
– Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: «Сыски!» – «Хыхки!» – «Сыски!».

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался. Я шёл домой и все время думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился и внятно сказал:

– Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

Если был бы я девочкой —
Я бы время не терял!
Я б на улице не прыгал,
Я б рубашки постирал.
Я бы вымыл в кухне пол,
Я бы в комнате подмёл,
Перемыл бы чашки, ложки,
Сам начистил бы картошки.
Все свои игрушки сам
Я б расставил по местам!
Отчего я не девочка?
Я бы маме так помог!
Мама сразу бы сказала:
«Молодчина ты,
Сынок!»

Чарушин Евгений Иванович

Глупый мальчишка

Жил-был Женя — очень глупый мальчишка. Он всё лизал. Ест за обедом второе — ножик полижет. Ведь можно обрезать. Начнёт красками раскрашивать картинки — кисточку сунет в рот. Ведь можно отравиться: краски бывают ядовитые. Ест сладкое и потихоньку всю тарелку вылизывает языком — ну прямо как собачонка!

Он и на улице всё лизал и сосал. Увидит сосульку — и хватить её в рот. А когда пошёл снег, Женя так и ходил с высунутым языком по улице. Идёт и ждёт, когда ему на язык упадёт снежинка. Совсем глупый этот Женя!

Однажды был очень сильный мороз. Всё заиндевело на улице. Деревья, и кусты, и заборы, и дома. Всё кругом белое.

Женя пошёл гулять. Вот он погулял. Вот пошёл обратно. Взобрался на крыльцо и видит: медная ручка у двери тоже заиндевела — стала белая-белая, точно сахарная.

Женя высунул язык и лизнул эту ручку. А язык у него и прилип. Примёрз. Хочет Женя его отодрать — языку больно. Хочет зареветь, да разве с высунутым языком заревёшь?

Стоит Женя согнувшись у двери, носом в дверь упёрся и мычит. Прибежали ребята — Женины приятели. Спрашивают:

— Ты что, Женя, делаешь? Чего стоишь?

А глупый Женя и ответить не может — стоит и мычит. Ребята испугались, побежали к дворнику Егору Ивановичу, кричат ему:

— Егор Иванович! Егор Иванович! Женя языком прилип!

Егор Иванович сразу догадался, схватил скорее чайник с тёплой водой и побежал к Жене. И стал лить воду на медную ручку. Лил, лил, всю воду вылил из чайника... Ручка согрелась, и язык отлип.

С тех пор Женя уж ничего больше не лижет.